

ДРУЗЬЯ И САМ АВТОР КАК ОБЪЕКТ ПАРОДИИ

Широко известен тот факт, что большинство персонажей "Симфонии" имеет реальных прототипов [4, с. 70–72]. В нашу задачу входит выявление тех случаев, в которых эти персонажи, имеющие прототипами наиболее близких и дорогих автору людей, представлены пародийно. Отметим, что эти люди, как правило, наряду со своим житейским обликом в восприятии Белого становились персонификацией той или иной идеи.

В период конца 90-х – начала 1901 г. наиболее близкими людьми, "побратимами" для Андрея Белого были университетский товарищ, студент-естественник Алексей Сергеевич Петровский и друг детства, первый близкий по духу и открывший свою душу человеку – Сергей Михайлович Соловьев. Каждый из них сыграл значительную роль в становлении взглядов Андрея Белого: «⟨...⟩ тема, сблизившая меня с С.М., мой проход из "быта" нашей квартиры в широкие для меня перспективы культуры начала столетия: ощущение "предвесенние" соединили нас братски с С.М. ⟨...⟩ С А.С. ⟨...⟩ тема, так сказать, побратимства была темой "конца" или обзора мытарств того "быта", который я испытал до начала эмансипации от него ⟨...⟩ Алексей Сергеевич ненавидел компромисс, позу, квази-преодоление антиномий, и потому-то в ответ на мои надежды на будущее он углублял передо мной картину "истлевающих личин" старого строя...» [5, с. 440–441].

Условно говоря, две эти фигуры – Соловьев и Петровский – олицетворяли собой центральные мотивы мироощущения Белого на рубеже веков: мистико-апокалиптическую романтику, восторг и ужас от неизбежной "гибели всего" и вместе с тем предчувствие грядущего преобразования жизни, ожидание "всего нового", истинного. Эти настроения легли в основу "Симфонии", и при ее создании автор не смог обойтись без ключевых фигур своей жизни. Соловьев и Петровский послужили прототипами центральных образов "Симфонии", несущих основную семантическую, идеологическую нагрузку, но при этом изображенных в пародийном ключе.

Петровский в "Симфонии" раздваивается. С одной стороны, он – "пассивный и знающий", не обманувшийся ложными видениями и ложными идеями. Он, отец Иоанн, старушка Мертваго и сказка – вот те немногие, кто, пройдя испытание "обманувшими зорями", продолжали жить ожиданиями и верить: "4. Без слов передавали друг другу, что еще не все потеряно, что еще много святых радостей осталось для людей... 5. *Что приближается, что идет, милое, невозможное, грустно-задумчивое...*" [2, с. 375]. Имя этого персонажа Белый утаивает до последних страниц "Симфонии" – Алексей Сергеевич Петковский

(более чем очевидный намек на прототипа, в фамилии которого изменена лишь одна буква). А вот имя другого персонажа, прототипом которого также является Петровский, названо уже в 1 части "Симфонии" – это Поповский, который ходит туда-сюда в калошах и везде "рассказывает о своей начитанности".

Если в образе "пассивного и знающего" не так легко распознать прототип до момента называния его по имени, то в образе Поповского легко угадываются характерные жесты и мимика Петровского, его манера поведения, темы бесед с Белым: "1. Поповский был консерватор. Его ненавидели свободомыслящие за свободное отношение к их воззрениям. 2. Светлые головы супили свои безбровые лбы перед тщедушной фигуркой. 3. Он имел дерзость не бояться холостых зарядов, а настоящие пролетали над его головой, потому что очень мал ростом был Поповский. 4. Поповский был церковник. Он чурался дьявола и прогресса. Он полагал, что мы доживаем последние дни и что все, что блещет талантом, от дьявола. 5. На знакомых он подмечал налет бесовщины, а по вечерам читал Евангелие. 6. Поповский был насмешник. Его тонкие губы всегда кривились от чуть видной усмешки. Во всяком мнении он отыскивал смешное и все браковал. 7. Таков был Поповский, и никакая сила не могла его сделать иным" [2, с. 280–281].

"Раздваивая" живого человека на два литературных персонажа, которые встречаются, беседуют между собой, Белый пародирует метания своего друга от одного полюса представлений о жизни к другому: «⟨...⟩ он то становился "подозревающим церковником", а то чистым и просветленным мистиком ⟨...⟩ я и выразил педагогически свое отношение к двум сторонам моего товарища, изобразив одну как Поповского, а другую как Петковского...» [4, с. 71].

Итак, Поповский – одна из наиболее комичных фигур "Симфонии" – своим наличием дискредитирует Петковского – одну из самых серьезных и возвышенных фигур, а оба они – Поповский и Петковский – создают пародийную интерпретацию своего прототипа Алексея Сергеевича Петровского, в сознании Белого воплощавшего идею "конца".

Если Петровский послужил прототипом при создании двух образов "Симфонии", то Соловьев, несущий в себе второй важнейший компонент мировоззрения Белого – идею "начала", угадывается в главном герое – Сергее Мусатове. Причем, трудно отделить пародируемые черты Соловьева от авторских самопародий, настолько велика была общность их переживаний: "Мусатов едет в деревню сделать выводы из накопившихся матералов; это – я, или умопостигаемый С.М. Соловьев..." [4, с. 72].